

ФИЛОСОФИЯ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

DOI: 10.17212/2075-0862-2024-16.3.1-90-100

УДК 091

Мистика любви Хадевейх Брабантской и Мехтильды Магдебургской¹

Быков Евгений Валерьевич,
*аспирант Института философии и права
Новосибирского государственного университета,
Россия, 630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1
e.bykov1@g.nsu.ru*

Аннотация

Христианское мировоззрение позднего Средневековья было довольно разнообразным, но в то же время крайне противоречивым. На севере Франции, во Фландрии и немецких городах в долине Рейна возникали различные духовные течения и верования, во многом определившие духовный климат средневековой Европы. Одним из таких духовных течений было движение бегинок, которое подверглось осуждению католической церковью, как и многие другие религиозные секты в этот период европейской истории. До сих пор остаются недостаточно ясными причины преследования представительниц женских полумонашеских общин. С одной стороны, нам известно, что осуждение бегинок непосредственно связано с их социальной деятельностью, поскольку они создавали серьезную конкуренцию католической церкви. Но с другой стороны, ограничиваясь исключительно социальными причинами, мы упускаем из виду тот факт, что движение бегинок в значительной степени было мистическим, и многие представительницы женских общин переживали крайне интенсивные экстраординарные чувства. Поэтому, обращаясь к проблеме осуждения бегинок, мы обнаруживаем, что корень этих преследований заключался в их переосмыслении религиозного экстаза, что уже в последующем определило их социальную деятельность. Для обоснования данной позиции мы подробно рассматриваем представление о любовно-мистическом познании у двух наиболее влиятельных бегинок – Хадевейх Брабантской и Мехтильды Магдебургской. Мы видим, что бегинки не только выражают свой экстраординарный опыт, но они также теоретически его переосмысливают. Бегинки отказываются от представления о любовно-мистическом познании как о пассивном процессе восприятия Бога. Вместо этого они обращаются к активной, деятельной любви и обосновывают необходимость отказа от бездеятельной жизни. Это позволяет им преодолеть пропасть между Богом и человеком, а также выйти за пределы своего собственного женского

¹ Работа выполнена при поддержке РФФ № 22-18-00025. The research is funded by the Russian Scientific Foundation № 22-18-00025. <https://rscf.ru/project/22-18-00025>

тела, обремененного средневековыми патриархальными нормами. Бегинки, таким образом, меняют само отношение между женщиной и миром, тем самым наделяя его большей автономностью по отношению к средневековому обществу и божественной реальности.

Ключевые слова: Средние века, христианство, женское движение, бегинки, экстаз, мистика, любовь, Хадевейх Брабантская, Мехтильда Магдебургская.

Erotic Mysticism of Hadewijch of Brabant and Mechthild of Magdeburg

Eugene Bykov,
*Postgraduate student, Institute of Philosophy and Law
Novosibirsk State University,
1 Pirogova Street, Novosibirsk, 630090, Russian Federation
e.bykov1@g.nsu.ru*

Abstract

The Christian worldview of the late Middle Ages was quite diverse, but at the same time extremely contradictory. Northern France, Flanders, and the German towns in the Rhine Valley were filled with various spiritual movements and beliefs that largely determined the spiritual climate of medieval Europe. One such spiritual current was the Beguine movement, which was condemned by the Catholic Church, as were many other religious sects during this period of European history. Nevertheless, the reasons for the persecution of the representatives of female semi-monastic communities are still not clear enough for us. On the one hand, we know that the condemnation of the Beguine's is directly related to their social activities, because they created serious competition to the Catholic Church. But on the other hand, limiting ourselves exclusively to social reasons, we miss the fact that the Beguine movement was largely mystical and many representatives of women's communities experienced extremely intense extraordinary experiences. Therefore, turning to the problem of the condemnation of the female mystics, we find that the root of these persecutions lay in their reinterpretation of religious ecstasy, rather than their social activities. To substantiate this position, we examine in detail the representation of love-mystical cognition in two of the most influential beguines, Hadewijch of Brabant and Mechthild of Magdeburg. We observe that they not only express their extraordinary experience, but they also theorize it. The mystics abandon the notion of love-mystical cognition as a passive process of perceiving God. Instead, they turn to an active kind of love and justify a form of *vita activa*. This allows them to bridge the gulf between God and man, and to move independently beyond their own female bodies, burdened by medieval patriarchal norms. The female mystics, as we show, change the very relationship between woman and the world, thereby endowing her with greater autonomy in relation to medieval society and divine reality.

Keywords: Middle Ages, Christianity, women's movement, beguines, ecstasy, mysticism, love, Hadewijch of Brabant, Mechthild of Magdeburg.

Библиографическое описание для цитирования:

Быков Е.В. Мистика любви Хадевейх Брабантской и Мехтильды Магдебургской // Идеи и идеалы. – 2024. – Т. 16, № 3, ч. 1. – С. 90–100. – DOI: 10.17212/2075-0862-2024-16.3.1-90-100.

Bykov E. Erotic Mysticism of Hadewijch of Brabant and Mechthild of Magdeburg. *Ideas and Ideals* = *Ideas and Ideals*, 2024, vol. 16, iss. 3, pt. 1, pp. 90–100. DOI: 10.17212/2075-0862-2024-16.3.1-90-100.

Введение

В настоящей статье мы исследуем причины осуждения движения бегинок католической церковью². Прежние исследования связывали запрет бегинок с социальными причинами, поскольку это движение позволяло женщинам уйти от строгих социальных обязательств, которые накладывались на них патриархально устроенным средневековым обществом [5, 6]. В беганаже женщины получали возможность избежать необходимости вступать в брак и заводить детей, что в некоторой степени обусловлено связью между деторождением и высокой женской смертностью. Вместо этого они посвящали свою жизнь духовной и интеллектуальной деятельности, а также занимались различными ремеслами, тем самым скапливая значительный капитал. Однако в беганаже женщины оказывались вне духовного контроля со стороны клириков, что приводило бегинок к стремлению постичь Бога без посредничества Церкви и даже достичь Блаженного видения без помощи самого Бога. Нам представляется, что подлинная причина осуждения бегинок заключается в их стремлении переосмыслить религиозный экстаз, посредством которого они преодолевали собственную пассивность и обретали активный способ взаимодействия со сверхъестественным.

Не удовлетворяясь прежними способами богопознания, бегинок обратились к более активному мистическому мировосприятию. Прежде всего данный мировоззренческий перелом нашел свое выражение в их специфическом понимании божественной любви. Обычно такой вид любви считается пассивным, что во многом обусловлено самим представлением о мистическом опыте как об исключительно иррациональном и бездеятельном состоянии человека в момент соприкосновения со сверхъестественным миром [12]. Однако в нашем исследовании мы обнаруживаем

² В конце Высокого Средневековья христианская духовность переживала перелом, что привело к распространению религиозных сект в европейских городах. Эти секты проповедовали разнообразные ереси, тем самым создавая угрозу для католической церкви и традиционных средневековых устоев. Поэтому в XIII–XIV веках католическая церковь обратилась к ожесточенной борьбе с неподконтрольными религиозными организациями. В том числе подверглось осуждению движение бегинок на Латеранском соборе в 1215 году и на Веннском соборе в 1311 году. Впоследствии это духовное течение было вовсе запрещено, а в некоторых областях Европы инквизиция особенно жестоко расправилась с представительницами женских общин.

отказ бегиннок от традиционного для Средних веков понимания божественной любви как пассивного процесса мистического познания. Для обоснования этой позиции мы обращаемся к исследованию как мистических видений, так и теоретических представлений бегиннок, что позволяет нам в более полной мере реконструировать активный процесс любовно-мистического познания. Для изучения темы активной божественной любви мы исследуем произведения двух наиболее влиятельных представительниц любовной мистики – Хадевейх Брабантской и Мехтильды Магдебургской.

Представление о любви Хадевейх Брабантской

Тема любви получила развитие в мистических произведениях бегинки Хадевейх Брабантской. В своем учении она стремилась выразить пережитый ею визионерский опыт, используя для этого сюжеты и художественные приемы, заимствованные из куртуазной литературы, а также опираясь на христианскую символику и богословские трактаты. Однако в исследованиях женской религиозности до сих пор остается недостаточно ясным значение визионерских переживаний Хадевейх для ее учения [4, 8]. Наиболее обоснованную позицию по данному вопросу представила Суидэм, считая религиозный опыт Хадевейх важным не только для описаний непосредственно самих мистических видений, но и для ее теоретической концепции [11, р. 10]. Мы не должны, по мнению Суидэм, рассматривать визионерский опыт Хадевейх как наивный и недостоверный способ познания, исходя из превосходства спекулятивного знания над аффективными женскими переживаниями. Для Хадевейх опыт переживания божественной любви является таким же подлинным, как интеллектуальное познание, несмотря на непосредственную связь мистического переживания с женской телесностью.

Вместе с тем мы не можем рассматривать труды Хадевейх исключительно как описание мистических видений, поскольку в ее учении теоретическая составляющая является не менее значимой, чем религиозные переживания. При этом теоретическая составляющая подразделяется на два аспекта, выражающих мистические видения: тринитарный догмат и куртуазная метафора. С одной стороны, Хадевейх обращается к разработке тринитарной концепции для решения проблемы вхождения человеческой души во внутреннюю динамику лиц Троицы посредством божественной любви. С другой стороны, она использует язык куртуазной лирики, который выражает ее тринитарную концепцию в метафорической форме, где божественная любовь является прекрасной дамой, а человеческая душа – рыцарем, стремящимся обрести даму и слиться с ней в божественной любви. Поэтому, как верно заметила Боон, ошибочно воспринимать произведения Хадевейх как непосредственное выражение экстатического опыта [4, р. 489–490]. Описание мистических видений Хадевейх во многом обусловлено ее теоретико-метафо-

рическим языком, который, в свою очередь, ограничен религиозной традицией и ее представлениями о куртуазной культуре.

В учении Хадевейх тринитарный догмат необходим для обоснования мистической связи между человеком и Богом, поскольку сама природа Троицы обязывает человека стать сопричастным ее глубинным отношениям. Это возможно, поскольку природа Троицы основывается на взаимной любви между ипостасями, т. е. любовь является сущностью Бога и его активной действующей силой, которая связывает Троицу в таинственное и непознаваемое единство. При этом любовные отношения между ипостасями строятся именно на требовании любви от одной ипостаси к другой, когда Бог-Отец требует к себе любви от Сына Божьего и Святого Духа, а Сын Божий и Святой Дух требуют возвращения любовного долга от Бога-Отца. Однако любовные обязательства не ограничиваются взаимоотношениями внутри Троицы, но также распространяются и на отношения между Богом и творением [8, р. 205–206]. В таком случае любовь является божественной силой, которая пронизывает всю вселенную и ведет сотворенные души обратно к своему Творцу. Человек при этом должен деятельно следовать божественной любви и в конце своего пути вступить в любовные взаимоотношения с Троицей, тем самым вернув свой любовный долг.

В главе 72 письма 30 Хадевейх описывает любовное требование к человеку: «Но если, в силу отчужденности своей воли, мы противостояем этому и отказываемся от этого единства в своем самомнении, то мы уже не возражаем и не продвигаемся к тому совершенству, которое с самого начала требовали от нас Единство и Троица. Но если здравый разум человека осознает свой справедливый долг и последует за Любовью в ее землю, то есть последует за ней в соответствии с ее предназначением, то он сможет достичь этой великой цели и обогатиться в Боге божественными богатствами»³ [7, р. 117].

Для Хадевейх мистическое познание не ограничивается пассивным восприятием божественной любви, поскольку природа человека несовершенна и ей необходимо преображение, чтобы стать способной проникнуть во внутреннюю природу Троицы. При этом преображение человеческой природы происходит посредством добродетельной жизни, т. е. человеку необходимо в своих действиях уподобиться Троице и приобрести присущие ей атрибуты. Для этого человек должен жить в соответствии со Священным Писанием и действовать так же, как действовал Христос [3, р. 9]. Однако Хадевейх не ограничивается традиционным для христианской мысли представлением о нравственной жизни, так как она, ко всему прочему, опирается на собственные мистические видения, в которых она узрела особое понимание добродетели. Так, в видении 1 «Сад совершенных

³ Перевод мой – Е. Б.

добродетелей» Хадевейх описывает простор, где ангел показывает ей деревья, которые символизируют познание себя, чистое смирение, совершенную волю, мудрость, веру и надежду [7, р. 263-266]. Тем не менее высшей добродетелью для Хадевейх оказываются не нравственные действия сами по себе, а претерпевание несчастий на пути к полному мистическому слиянию с Богом в любовном акте.

После описания добродетелей Хадевейх в главе 288 видения 1 выражает наставления непосредственно самого Бога: «Если вы желаете быть подобными мне в моей Человечности, как вы жаждете всецело обладать мною в моей Божественности и Человечности, то вы должны желать быть бедными, несчастными и презираемыми всеми людьми; и все скорби будут для вас слаще всех земных удовольствий; ни в коем случае не позволяйте им огорчать вас. Ибо они будут непосильны для человеческой природы. Если вы захотите следовать за Любовью, то по велению вашей благородной природы, которая побуждает вас желать Меня во всей Моей полноте, вам станет так чуждо жить среди людей, вы будете так презренны и так несчастны, что не будете знать, где остановиться хоть на одну ночь, и все люди отвернутся от вас и оставят вас, и никто не захочет скитаться с вами в вашей беде и слабости, в каком бы состоянии вы ни оказались»⁴ [7, р. 268].

В учении Хадевейх страдание является неотъемлемой составляющей земной жизни, поскольку временные мучения необходимы человеку для изменения его несовершенной природы и восприятия божественной любви. Хадевейх выражает тему страдания в метафоре куртуазной любви, где образ странствующего рыцаря олицетворяет душу, а образ прекрасной дамы олицетворяет недостижимого при жизни Бога. Это связано с тем, что путь человека к божественной любви долог и труден, так же как путь рыцаря к своей даме. При этом рыцарская жизнь полна опасных походов в дальние края и подвигов ради возлюбленной, но особое мучение рыцарю причиняет разлука с ней. Однако это не останавливает рыцаря, и он продолжает стремиться к своей даме, мужественно преодолевая земные страдания и разделяющие их дали [5, р. 64–65]. В конечном итоге Хадевейх связывает образ страдающего от любви рыцаря с образом страдающего на кресте Христа, что означает для человека необходимость преобразить свою несовершенную природу через лишения и злключения, а затем воспринять любовь Бога и слиться с ним в мистическом единении.

В главе 18 письма 4 Хадевейх писала о необходимости рыцарского смирения: «Теперь обдумайте, что я скажу вам о том, где разум ошибается, и исправляйтесь в этих вещах со всем усердием. И пусть тебя не огорчает, что ты в чем-то не успеваешь. Ибо рыцарь, который смиряется, не будет беспокоиться о своих ранах, если посмотрит на раны своего святого

⁴ Перевод мой – Е. Б.

Господа. Когда Бог решит, что время пришло, все быстро придет в порядок, так что терпите»⁵ [7, р. 53].

Представление о любви Мехтильды Магдебургской

Тема любви также получила свое развитие в творчестве немецкой писательницы Мехтильды Магдебургской. В своем произведении «Струящийся свет Божества» она, как и Хадевейх, выражает свой мистический опыт с помощью куртуазных метафор и христианской символики. Однако для Мехтильды обоснование своих мистических переживаний является более значимым, поскольку ее творчество подвергалось критике со стороны Церкви. Она настаивает на том, что источником ее религиозных видений является сам Бог, который через мистическое слияние с нею потребовал поведать людям свои наставления. Поэтому для Мехтильды описываемый ею мистический опыт является не менее достоверным, чем библейское откровение, что обосновывает ее произведение и одновременно с этим ниспровергает авторитет Церкви. Как верно заметила Перинтфалви, экстатический опыт Мехтильды размывает границы между человеком и Богом, а также позволяет ей преодолеть личностные и социальные ограничения [9, р. 238]. В этом мы можем увидеть стремление Мехтильды возратить те библейские времена, когда Бог как никогда был близок к человеку, но за тем исключением, что в этот раз именно женщина становится выразителем нового божественного откровения.

В то же время мы можем обнаружить в учении Мехтильды теоретическое осмысление ее визионерских переживаний, поскольку сам по себе религиозный экстаз находится вне границ языка и не может быть выражен без определенных теоретических средств. Для решения этой задачи она использует крайне разнообразную палитру языковых приемов и стилей. Мы можем выделить две основные составляющие ее теоретического языка: богословский символизм и эротические образы. Прежде всего она заимствует ряд христианских символов из Священного Писания и развивает свои собственные богословские размышления, которые необходимы для описания троичной природы Бога и наставления людей. Но Мехтильда, как отмечала Ганина, была провидицей-поэтом, а не богословом-логиком [1, с. 35]. По ее представлению, богословский язык не может в полной мере выразить опыт встречи человека со сверхъестественным миром. С этой целью она также обращается к эротическим образам из куртуазной литературы, поскольку для нее сексуальный опыт является во многом схожим с религиозным экстазом, что позволяет ей в более глубокой форме описать любовно-мистический союз между человеком и Богом.

⁵ Перевод мой. – Е. Б.

Троица является одной из главных тем в учении Мехтильды. Ее произведение «Струющийся свет Божества» представляет собой опосредованное воплощение самой триединой природы Бога, что обуславливает наполненность этого произведения разнообразными троичными символами. При этом Мехтильда описывает Троицу как переполненный и истекающий поток божественной любви, который в силу своего блага и совершенства изливается во всей вселенной. Кроме этого, Троица находится в постоянной текучести и деятельности, а также наполнена любовно-эротическими взаимоотношениями между ипостасями.

Однако эти взаимоотношения не присущи исключительно троичной природе Бога. Они также проявляются во взаимоотношениях между человеком и Троицей. Для Мехтильды истекшее творение обязано вернуться к своему источнику, тем самым пройдя тяжелый и долгий эсхатологический путь спасения [8, р. 226]. Чтобы уподобиться троичной природе Бога, человеку необходимо искупить грехи и преобразить свою несовершенную природу. Это позволит душе воспарить за пределы сотворенного мира и стать Невестой Троицы, т. е. вступить в эротическую связь с Богом и обрести вечное блаженство в его объятиях [10, р. 67].

Мехтильда писала о соприкосновении души с Троицей в главе 2 книги I: «Истинный Божественный привет, приходящий от небесного потока из источника струящейся Троицы, столь великую силу имеет, что он от тела всю его власть изымает, и душа самой себе открывается, так, что она себя, подобно святым, познает и тогда блеск Божественный на себя принимает. И отделяется душа от тела всей мощию своею, мудростью и любовью и всем страстным желанием своим. Лишь малая толика силы жизненной в теле остается, как при сладостном сне. И видит она единого Бога в трех лицах и познает три ипостаси в Боге неделимом. И обращается Он к ней на языке придворном, который не понятен на кухне сей, и облачает Он ее в одежды, каковы во дворце носить пристало, и придает Он себя ее власти»⁶ [2, с. 8].

В учении Мехтильды мистический опыт является личным и даже интимным переживанием встречи с Богом, и для его выражения она использует эротические образы, которые позволяют ей описать проникновение души в сокрытую природу Троицы. Для нее близость между Богом и душой подобна близости обнаженных любовников, раскрывающихся друг другу во всей наготе. При этом всё то, что разъединяет душу и Бога, человеком должно быть отброшено. Отделяющие душу от Бога покровы души Мехтильда называет одеждой. С одной стороны, под одеждой понимаются христианские добродетели, которые необходимо изначально «надеть», чтобы встретить Бога. С другой стороны, одежда понимается как препят-

⁶ Перевод Р.В. Гуревича.

стве, которое необходимо «снять» для того, чтобы слиться с возлюбленным в мистическом экстазе [5, р. 78–79]. При этом Мехтильда говорит о том, что не нужно стыдиться, когда влюбленный просит свою любовницу сбросить одежды, поскольку любовь есть всё то, что нужно, чтобы душа и Бог могли встретиться друг друга, а остальное лишь помешает их единению. Поэтому для Мехтильды в отношениях между душой и Богом не должно быть ничего, кроме любви, и душа должна жаждать лишь воссоединения с Богом, так же как Бог жаждет воссоединения с человеком.

В главе 29 книги I Мехтильда так писала о сбрасывании одежд и последующем страдании: «Ты должна претерпеть муки вместе со Мной. Быть преданной завистью, пострадать от неправды, быть в узах ненависти, окованной злословием. Глаза твои будут завязаны, ибо сокроют от тебя истину, примешь удары от гнева мира сего, судима будешь исповедью, исхлестана по щекам – покаянием, к Ироду послана – насмехательством, снимут одежды твои – покинутостью, подвергнешься бичеванию – бедностью, венец возложат – искушением, оплевана будешь – бесчестьем»⁷ [2, с. 21].

Вместе с тем Мехтильда настаивает на необходимости преодоления эротического слияния между душой и Богом, поскольку данный род любви не способен привести человека к совершенному мистическому познанию. После вознесения души в объятия Бога человеку необходимо оставить эротическую любовь и погрузиться в бездну [8, р. 242]. Для этого душе необходимо стать подобной Христу, т. е. погрузиться в состояние глубокого смирения и обрести духовную нищету, а также отрешиться даже от самого Бога. Этот процесс падения в бездну сопровождается очищением несовершенной природы человека от греха. При этом человеческое тело испытывает боль и мучения, подобные тем, которые испытывал Христос, что обусловлено тварностью тела и его неспособностью выдержать соприкосновение с божественной природой [5, р. 42]. Кроме этого, душе необходимо быть деятельной и активно совершать добрые дела, тем самым воплощая активность любви в сотворенном мире. Для этого Мехтильда стремится спасти души других людей и помочь им обрести более глубокую мистическую связь с Богом.

Мехтильда так описывает падение души в бездну в главе 21 книги 3: «Город столь перевернут, что именно самые высокие на самое низкое и неблагородное место посажены. Люцифер сидит, своей виною связанный, в бездне самой глубокой. Из его огнистого сердца и из огнистой пасти его беспрерывно весь грех, муки, хворь и позор истекают; в их власти Ад, Чистилище и земля наша столь плачевно пребывают. В самой нижней части огонь и тьма и зловоние и ужас и наиразличнейшие жесточайшие кары за грехи; и обитают там христиане, по деяниям их распределенные. В средней части

⁷ Перевод Р.В. Гуревича.

Ада разные кары за грехи средней меры. Обитают там иудеи, по деяниям их распределенные. В самой верхней части Ада наименьшие кары за грехи. Обитают там язычники, по деяниям их распределенные»⁸ [2, с. 92].

Заключение

Мехтильда Магдебургская и Хадевейх Брабантская преодолевают традиционное для средневековой мысли пассивное восприятие божественной любви, так как данный путь, по их мнению, не мог привести человека к полному постижению божественной природы. Вместо этого они обращаются к активной форме любовной мистики, где человек действует в ответ на божественную любовь и тем самым обретает более глубокую мистическую связь с Богом. При этом представление о любви у этих бегинок не ограничивается исключительно религиозным экстазом. Оно также включает в себя теоретико-метафорическую составляющую, направленную на осмысление и обоснование опыта соприкосновения с божественной природой. Для бегинок любовь предстает, прежде всего, во взаимных отношениях между ипостасями Троицы, что также обязывает человека стать сопричастным троичной природе. Для этого человек должен вести добродетельную жизнь, быть смиренным и претерпевать страдания на пути к мистическому познанию, тем самым преображая свою греховную природу и уподобляясь Христу. Для исполнения своего любовного обязательства перед Богом человек обязан преодолеть пассивное восприятие божественной любви и пройти по пути любви деятельной.

В этом мы обнаруживаем кризис средневекового мировоззрения, когда прежние представления о взаимоотношениях между человеком и Богом разрушаются. Это обусловлено тем, что бегинок не удовлетворяли присущие патриархальной церковной иерархии способы взаимодействия с естественным и сверхъестественным миром. Поэтому они обратились к переосмыслению религиозного экстаза, который позволил им выйти за пределы собственного закрепощенного женского тела в божественную реальность. Для этого они активно стремились к Богу, ведя добродетельную жизнь и совершая благие дела, что в последующем проявилось в их активной социальной деятельности. Назначение религиозного экстаза для бегинок заключалось не только в восхождении из собственной природы в божественную. Таким способом они надеялись получить возможность играть более значимую роль в патриархальном обществе, что не могло не привести к церковному запрету этого движения. И всё же бегинкам удалось внести важный вклад в трансформацию средневекового мировоззрения, изменить отношение человека к естественному и сверхъестественному.

⁸ Перевод Р.В. Гуревича.

Литература / References

1. Ганина Н.А. Представления о Пресвятой Троице в «Струящемся свете Божества» Мехтильды Магдебургской // Евразия: духовные традиции народов. – 2012. – № 2. – С. 34–46.
Ganina N.A. Predstavleniya o Presvyatoi Troitse v «Struyashchemsya svete Bozhestva» Mekhtil'dy Magdeburgskoi [Ideas about the Holy Trinity in the “Flowing Light of the Divine” by Mechtilda of Magdeburg]. *Evraziya: dukhovnye traditsii narodov = Eurasia: spiritual traditions of peoples*, 2012, no. 2, pp. 34–46.
2. Мехтильда Магдебургская. Струющийся свет Божества / изд. подгот. Р.В. Гуревич, Е.В. Соколова, В.А. Суханова. – М.: Наука, 2008. – 356 с.
Mechthild of Magdeburg. *Struyashchiysya svet Bozhestva* [Flowing light of the Divine]. Moscow, Nauka Publ., 2008. 356 p. (In Russian).
3. Beukes J. The Trinitarian and Christological Minnemystik of the Flemish beguine Hadewijch of Antwerp (fl. 1240). *HTS Teologiese Studies / Theological Studies*, 2020, vol. 76 (1), pp. 1–10.
4. Boon J.A. Trinitarian Love Mysticism: Ruusbroec, Hadewijch, and the Gendered Experience of the Divine. *Church History*, 2003, vol. 72 (3), pp. 484–503.
5. Dickens A.J. *The Female Mystic: Great Women Thinkers of the Middle Ages*. London, I.B. Tauris, 2009. 256 p.
6. Furlong M. *Visions and longings: medieval women mystics*. Boston, Shambhala Publications Inc., 1996. 256 p.
7. Hadewijch. *The Complete Works*. Transl. and introd. by Columba Hart. New York, Paulist Press, 1980. 448 p.
8. McGinn B. *The Presence of God: A History of Western Christian Mysticism*. Vol. 3. *The Flowering of Mysticism: Men and Women in the New Mysticism (1200–1350)*. New York, Crossroad, 1998. 526 p.
9. Perintfalvi R. Eroticism and Mysticism as a Transgression of Boundaries: the Song of Songs 5: 2–8 and the Mystical Texts of Mechthild of Magdeburg. *Feminist Theology*, 2014, vol. 22 (3), pp. 229–240.
10. Roberts M.V. Retrieving Humility: Rhetoric, Authority, and Divinization in Mechthild of Magdeburg. *Feminist Theology*, 2009, vol. 18 (1), pp. 50–73.
11. Suydam M.A. The Touch of Satisfaction: Visions and the Religious Experience According to Hadewijch of Antwerp. *Journal of Feminist Studies in Religion*, 1996, vol. 12 (2), pp. 5–27.
12. Van Dyke H. Mysticism. *The Cambridge History of Medieval Philosophy*. Vol. 2. New York, Cambridge University Press, 2010, pp. 720–734.

Статья поступила в редакцию 06.11.2023.

Статья прошла рецензирование 14.03.2024.

The article was received on 06.11.2023.

The article was reviewed on 14.03.2024.